

Глава 7. Человеческие отношения

1. Внутри японского сообщества

М. Ооути разбил годы плена в своем лагере на следующие периоды:

1. сентябрь 1945 — весна 1946 гг. Организационная структура оставалась старой армейской. Мороз, нехватка еды, неясные перспективы. Больше всего людей погибло именно в этот период.
2. лето 1946 — зима 1947 гг. Офицеров отстранили от руководства, и был создан комитет «Интеллигенция против фашизма». Демократическое движение стало понемногу усиливаться.
3. 1948 г. — начинается основное политическое перевоспитание, и демократическое движение становится активным. Интеллигенции в комитете стало меньше, а всем стали заправлять молодые активисты.
4. 1949 г. — сумасшедшее демократическое движение в лагере. Не могу забыть этот неприятный опыт [Ооути: 4–5].

Военнопленные не были гомогенной группой. В плену для японцев земляческие отношения приобретали особое значение. Все военнопленные были уроженцами той или иной префектуры, того или иного городка, ведь землячество, как и в любой армии, было одним из оснований для дружеских отношений и поддержки. Происхождение из одной префектуры было достаточным поводом, чтобы поддерживать отношения с человеком, который хранил те же воспоминания о родных местах, который мог рассказать о тебе родственникам, если вернется раньше, или у которого о чем-то можно было узнать дополнительно из писем ему из дома.

Тысяча пленных попали в этот лагерь. Там было несколько солдат, посланных на север Кореи. Есть кто-нибудь из префектуры Нара? Кто-то сказал: я из Нара. Это был Катуми Каджи из города Гойо. Я встретил только одного из Нара за это время. Охрана мирно играла на гитаре, наблюдая за нами. Конец июня 1946 г. [Ёсида: 170].

Иногда на основе земляческих отношений, иногда по другим обстоятельствам складывались группы из нескольких человек, которые поддерживали друг друга во всех отношениях. Антрополог Лев Клейн писал об этом на основании лагерного опыта в СССР 1980-х гг.:

В лагере для выживания очень важна поддержка нескольких человек, с которыми ты успел сдружиться, — кентов. Вот с ними человек образует семью — это несколько человек с общим личным хозяйством, с постоянной заботой друг о друге, с общим досугом. Все их знают как одну семью и считаются с ней. О деторождении тут речи не может быть: семьи однополые, и даже однополый секс, как правило, отсутствует [Л. Горалик: сайт].

Действительно, в дневнике Ватанабэ мы часто встречаем одни и те же имена близких друзей — Танигути, Канно, Накамура — и видим, что они живут одной семьей, как братья, помогая друг другу во всем, советуясь и рискуя вместе. Ватанабэ описывает, как уроженец городка Ноборибецу Такаги делился сигаретами со своим земляком.

Какой-то незнакомый высокий человек часто требует у Такаги-сана то сигареты, а когда нет сигарет, то листья табака. Табак тогда очень ценился. Я думал, что их дружба очень крепкая, но одновременно и странная. Я спросил Такаги-сана, почему он дает сигареты ему. Он ответил, что этот человек очень важен для него. Потом я узнал, что он директор гостиницы в Ноборибецу [Ватанабэ: 210].

Почти все пленные были японцами, хотя встречались корейцы и даже монголы. Иностранцы говорили по-японски, служили в Квантунской армии рядовыми или в лучшем случае были сержантами или унтер-офицерами. После пленения Квантунской армии некоторые корейцы и китайцы пытались дистанцироваться от японского большинства и в своих письмах благодарности всячески подчеркивали, что они не японцы. Поэтому принадлежность к иной этнической группе среди японских военнопленных иногда актуализировалась.

Мы зажгли бочку. Очень холодно, мы не могли заснуть и всю ночь ходили. У корейского солдата загорелась одежда. Ему сказали: ложись на землю. Мы смеялись, так как нам не нравились корейцы, потому что после поражения Японии они стали самоуверенными [Ватанабэ: 145].

Самым юным пленником в СССР был 10-летний сын полковника Онозаки. Этой семье разрешили жить отдельно, в избушке у кухни. Мальчик быстро заговорил по-немецки и по-русски и стал общим любимцем, ему были созданы условия для получения школьного образования на японском языке. Подпись к рисунку: *Маленький, как дела? — Ничего. — Маленький самурай, иди сюда* [Такэути: 58].

Элиты в лагере. Во всех лагерях среди заключенных было расслоение, и легко можно было различить основную массу и элиту, имевшую льготы. Такой элитой в нацистских концлагерях были капо,¹⁹ в ГУЛАГе воровская верхушка имела свои льготы, не ходила на общие работы и не голодала.

В отношениях военнопленных большое значение имела военная иерархия. Среди пленных были новобранцы, опытные солдаты, унтер-офицеры и офицеры, которые выстраивались в иерархическую вертикаль. Труднее всего было 17-летним новобранцам. Молодые плохо обученные солдаты, оказавшиеся в армии перед концом войны, были самыми незащищенными. Японские офицеры забирали у солдат

---

19 Как описывал представителей лагерной элиты Освенцима В. Франкл, это были люди с толстыми щеками и румяными лицами, которые встречали ежедневно составы с тысячами людей на вокзале, чтобы забрать их багаж с ценностями [Франкл: 134].

еду, которой недоставало, заставляли их стирать одежду, чистить обувь, всячески обслуживать офицеров.

Все в сборе со своими вещами. Досмотр. Может быть, *домой*? Но это только проверка одежды перед похолоданием. У кого есть две шинели, одну забирали для тех, у кого совсем нет. Молодые солдаты тихо радовались — хорошо, коммунизм. Но, вернувшись в барак, старослужащие солдаты у них снова все забрали [Ооути: 51].

Даже в воскресенье было мало времени для отдыха. А малоопытным солдатам надо было работать много. Если армия существует в обычном режиме, в нее приходит пополнение. Но здесь новобранцев не было, и молодые солдаты вынуждены были выполнять самую трудную работу, ходить в плохой одежде. Они должны были проследить, чтобы сперва высохли валенки старых солдат, а потом сушить свои [Ооути: 62].

Как будто соревнование в выживании. Больше всего умирают старики и неопытные солдаты. Надо бороться за жизнь. Бороться с природой, с голодом, с разными социальными группами и даже с друзьями [Ооути: 81].

Военная служба в Японии, как и во многих культурах, приравнивалась к инициации и означала превращение паренька в «настоящего мужчину» [Мещеряков 2012: 362]. Согласно ритуалам перехода юноши меняли прическу: вместо разнообразных стрижек в гражданской жизни в армии всех брили наголо. Гражданский костюм также был заменен на военную форму. Как и положено во время инициации, юноши проходили испытания на выносливость — физическую и моральную. Их могли шпынять, унижать, заставлять выполнять дополнительные работы, могли и побить. Ведь рукоприкладство вышестоящих чинов было нормой армейской жизни и не подвергалось осуждению — ни командирами, ни обществом [Мещеряков 2012: 363].

В лагерях ГУПВИ пленные офицеры, тем более генералы, находились в лучших условиях, чем рядовые и младшие командиры, что выражалось в более высоких нормах питания, денежном довольствии и порой в отдельных офицерских столовых. Таким образом, они сохраняли свой высокий статус и составляли привилегированный слой. Офицеры продолжали принуждать солдат выполнять работу по их обслуживанию, отбирали еду и избивали.

Как признавался один из героев Харуки Мураками, «случалось, пленным линчевали их же соотечественники, японцы. Что поделаешь, иногда люди ненавидят, подзревают, боятся друг друга, теряют надежду и отчаиваются» [Мураками: 727]. Х. Мураками как будто читал документы лагеря № 7 в Иркутской области, где фельдфельдбель Касехира Пугио по примеру офицеров издевался над подчиненными солдатами и даже пытал. Он вызывал к себе неугодных ему или провинившихся и подвергал истязаниям, привязав руку к столу, втыкал под ногти иголки, зимой заставлял раздеваться и простаивать на морозе долгое время [Главное: 687].

Репатриированный на родину в 1950 г. Таданогу Като 4 февраля 1950 г. на страницах японских газет сделал заявление в сенат Японии с требованием провести расследование по делу японского лейтенанта Акия Маруи, о том, что он виновен в гибели 700 соотечественников — военнопленных, которых часами заставлял стоять раздетыми на снегу после бани [ГАХК Ф. 1036. Оп. 1. Д. 477. Л. 77 — Цит по: Кузьмина: 63].

Реакционные элементы запугивали солдат антисоветской клеветой о том, что военнопленным солдатам в СССР будет плохо, агитировали, чтобы солдаты не работа-

ли. Все продукты забирали себе, вследствие чего солдаты и унтер-офицеры ослабли [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 2 об.].

Как-то раз видел бурный спор между советским офицером и солдатом. Офицер, видимо, приказал солдату что-то, а тот отказывался выполнять. У советских, похоже, не принято давать пощечины. В японской армии принято абсолютное выполнение приказов старшего по званию [Ооути: 97].

Дайдзо Такахаси также отмечал, что

С продовольствием для всех было плохо. В день выдавалось только 300 грамм хлеба. Из-за жульничества офицеров (японских — М.К.) рядовые военнопленные часто получали по 200 граммов. В результате этого военнопленные умирали один за другим [«Гипотеза» № 4, 1991 — цит. по: Кузьмина: 54].

Спустя десятилетия К. Като более трезво оценивает лагерные проблемы. По его мнению, жизнь военнопленных во многом зависела не только от офицеров, но и от лагерной администрации, а также от того, как вели себя исполнители среднего звена: японские бригадиры, военные врачи, повара и переводчики. От того, насколько честно и серьезно они относились к своим обязанностям, положение военнопленных менялось в лучшую или худшую сторону [Като: 57].

В первое время продолжала работать старая военная иерархия, по которой унтер-офицеры могли эксплуатировать рядовых, а старшие офицеры — и тех, и других. Более того, они могли избивать, издеваться, отбирать еду, долго мылись в душе за счет времени солдат. Например, солдаты приготовили еду, а японский офицер перевернул бак с едой под предлогом, что нельзя пользоваться огнем [Ооути: 31]. Или, как писал Исаму Ёсида,

старшие солдаты получали меньшую квоту и большую порцию, в то время как молодые солдаты — большую квоту и меньшую порцию... Кикуо Морита смело протестовал против этого. Середина октября 1945 г. [Ёсида: 86].

В Охе в то время унтер-офицеры могли мыться чаще и находиться в бане дольше, чем солдаты [Ооути: 105].

Старшие офицеры жили в отдельных комнатах, а младшие прислуживали им наподобие денщиков [Такасуги Ч. 3: 98].

«Демократический» актив. Почти во всех лагерях произошла смена элит под девизом «Снимай погоны!».

Всех офицеров собрали и заставили работать, давали столько же еды как солдатам. Так продолжалось месяц. Им было довольно тяжело. Они поняли, каково приходится солдатам. В лагере офицеров изолировали от рядовых. Они вели себя некрасиво. Например, просили селедку, протягивая руки из туалета [Ооути: 94].

Уничтожили армейскую иерархию. Все стали равны. Офицеры полностью потеряли власть [Ооути: 105].

Борцы с офицерами использовали риторику классово-борьбы. Как писал пленный Сато из 5 л.о. лагеря № 16 в Хабаровске о создании общества «Томонокай», первой работой Томонокай была последовательная ликвидация остатков милитаризма в лагерном отделении, являющемся миниатюрой старой императорской армии. <...> Надо было разбить привилегированный класс. Мы начали с разоблачения императорского строя, и на основе абсолютного антимилитаризма приступили к демократизации внутрилагерной жизни [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 69].

Были офицеры, которые первыми сняли погоны. Унтер-офицеры и солдаты тоже стали снимать погоны. И когда демократическая группа обратилась ко всему батальону с предложением снять погоны, весь батальон единогласно принял это предложение, и т.о. был ликвидирован один из остаточных элементов старой армии [Ф. 4/5. Оп. 30я. Д. 15. Л. 65].

Офицеры лишились денщиков и должны были заниматься уборкой наравне с солдатами.

В результате воздействия демократических идей на молодые умы стали появляться активисты из рядовых и нижних чинов. Находясь в стране, где господствующая идеология признавала равенство всех людей, в условиях, когда все без исключения пленные должны были посещать политинформации и другие занятия по марксистско-ленинской идеологии, какая-то часть слушателей неизбежно должна была увлечься привлекательными левыми идеями. Это были выходцы из бедных семей, кто был молод и чей жизненный опыт ограничивался армейской службой. Руководство ГУПВИ в свою очередь распорядилось сосредоточить старший офицерский состав в 2–3 лагерях, а «офицерский состав до капитана включительно вывезти в ближайшие производственные лагеря» [Военнопленные: 483].

Иллюстрацией такого поворота служит архивный рисунок, на котором мы видим солдата, яростно рвущего отобранные у офицеров погоны (рис. 48). Этот солдат как герой стоит на первом плане, а офицер, оставшийся без погон, делает успокаивающий жест — раскрытыми ладонями, как бы показывая, что в руках нет оружия, и призывая к миру. Он согласен с происходящим [Ф. 4/п. Оп. 30я. Д. 19. Л. 65].

Кадры активистов крепили в работе, из числа лояльно настроенных и проверенных активистов с 1948 г. были сформированы вспомогательные команды (ВК), которые помогали боевому составу конвоя исполнять обязанности. Самостоятельно членов ВК на охрану не выпускали, только вместе с конвоирами. Оружия им не выдавали, но выдавали свистки и другие средства быстрого оповещения на случай опасности. Этим людям предоставляли привилегированные условия — отдельную комнату для проживания, лучшее обмундирование, относительно легкую работу и проч.

Одни потеряли привилегии, а другие получили их. Новая элита — увлеченные демократическим движением военнопленные, прошедшие политические курсы, применяла идеи классовой борьбы в лагерных бараках, преследуя разными способами тех, кто не хотел заниматься политикой. Тех, кто пытался отмалчиваться, а также тех, кто вслух не соглашался с левыми лозунгами, с мыслью, что «теперь их родина — СССР, оплот социализма», называли реакционерами, контриками и осуждали на общих собраниях, требуя раскаяния.

Однако дело было не только в недостаточном опыте молодых солдат или их увлеченности политической идеей. Беда была в самом политическом процессе, который после вступления военнопленного в демократический кружок затягивал в кру-

говорит напряженной «политической жизни». Так же, согласно Вальтеру Беньямину, затягивали иностранца похожие процессы в Москве 1920-х гг., где за один месяц человек успевал пережить бесконечные перипетии судьбы, которых в родной стране хватило бы на всю жизнь. В результате возникает своего рода опьянение, жизнь без заседаний и комиссий, дискуссий, резолюций и голосования (а это все <...> ступени на пути к власти) покажется невозможной, так что в конце концов возникает вопрос, оставаться ли в <...> незащищенном, негостеприимном и продуваемом сквозняком зрительном зале или так или иначе принять свою роль на гремящей сцене [Беньямин: 118].

К строптивым, отстаивавшим независимость своих взглядов, применяли бойкот. Цена вопроса была высока — разрешение на репатриацию. После того как активисты демократического движения завернули из Находки нескольких недостаточно идеологически надежных с их точки зрения людей, их влияние выросло, и многие стали их бояться.

«Демократическое» движение стало сильнее летом 1947 г. Военный врач О. и бухгалтер М. приехали из лагеря, в котором я работал раньше. Перед посадкой на последнее судно из Находки в 1947 г. коммунисты имели большую власть и, организовав коллективное осуждение, сказали, что не разрешают им домой [Ооути: 147].

Наконец состоялось последнее «демократическое» собрание. Все критиковали и ругали контрэлемнты. Объект критики — Накамура, Ватанабэ, Канно, Танэгүти. Японцы судили нас четверых как носителей опасных мыслей, как крайне опасных политических противников. Фудзихира сказал, что он — гуманист, поэтому не может согласиться с общим решением. Нас стало пятеро. — *Это буржуазная сука. — Это контрреволюционное высказывание. Они — опасные политические противники. Давай долуй* [Ватанабэ: 326].

Примо Леви выделил в этике лагерного поведения «серую зону». Речь идет о «привилегированных заключенных», на которых, считал Леви, и держится лагерь. Среди японских военнопленных привилегии имели активисты демократического движения, правая рука лагерной администрации.

Донительство. Со временем лагерь становился сверхтотальным институтом — и по своему прямому назначению, и по той атмосфере, что складывалась в бараках из-за тотального контроля за поведением со стороны таких же, как они сами, японских пленных. В каждом лагере существовал оперативно-чекистский отдел, вербовавший агентов. Так в лагере № 22 было завербовано три человека в марте 1946 г., на начало 1947 г. уже было 44 агента, работа которых была направлена «на выявление фашистско-реакционных элементов, шпионов, диверсантов, саботажников и лиц, которые отказывались от работы» [Кузьмина: 84].

Обвиняемых негласно допрашивали, после чего брали в агентурную разработку, присваивая им псевдонимы: Восток, Тайга, Ночь, Амур. В их задачи входило выявлять бывших работников внутренних дел, жандармерии, полиции, враждебно настроенных к СССР. Интересно, что псевдонимы напоминали клички животных.

Наиболее способные агенты рассматривались «для возможного использования на стороне советской разведки». «Направляю личное и рабочее дело № 7/429 на внутрилагерного агента... под псевдонимом “Рыбак”, убывшего этапом из Управления лагеря № 21 29.06.47 в лагерь Комсомольска, как офицера японской армии для его дальнейшего использования в нашей работе» [ОСФ ИЦ УВД ХК Ф. 11. Оп. 1. Д. 8. Л. 15].

Страх. Тем, кто имел высшее образование, было опасно не участвовать в молодежном активе. Непонятно, где, когда и кто наблюдает за мной. Если теряешь бдительность, то тебя используют, чтобы проверить классовое сознание других.

Шахта, демократия и шпион. Большинство японских шахтеров были те, кто бежал от безумного просветительного движения. Аоки: *Отмена империалистической власти офицеров и унтеров — это хороший результат. Вначале у власти стали демократы, потом новые демократы боролись со старыми демократами и так все время. Такая борьба не похожа на демократию. Нам, японцам, нужно иметь гордость и помогать друг другу, чтобы живыми вернуться домой. Сейчас в Японии уже нет империализма, страна демилитаризована, нам надо построить новую демократическую Японию. Нам не нужна советская московская родина.* Человек, который высказывал эти мысли, унтер-офицер Аоки, оказался **шпионом**. Мы об этом не догадывались, но наши разговоры всегда становились известны главному штабу демократов [Ватанабэ: 323].

Во время репатриации тем активистам, кто был особенно жесток с «контрой», и тем, кто занимался доносами, пришлось трудно. Кого-то наказывали в дороге сразу же после пересечения российской границы. Кто-то пытался сам свести счеты с жизнью. Так, перед отправкой из Хабаровска в Находку Таро Ямасита, находясь в вагоне, вонзил себе в грудь отточенное полотно от ножовки. Полагали, что причиной послужили его показания на других японцев и страх ответственности за это перед японскими властями [Катасонова: 394].

Снова появились разные транспаранты, как в прошлом году. Н. разорвал один из них. Только 7–8 человек видели это, но через 30 минут его вызвали в контору. Везде и всегда шло **наблюдение за пленными** [Ооути: 143].

Проверяли реакционное движение в лагерях. Переводчик угрожал парикмахеру: если «не скажешь правду, тебя посадят в тюрьму на 18 лет». С., который работает в медпункте, шептал, что среди пленных есть **шпионы**. Все чувствовали какое-то беспокойство. Я перестал доверять всем товарищам. Ошибался ли я, доверяя им? Ведь я видел, как все теряли человеческие качества в плену. Похороны в себе свое мнение. Когда я на дистанции с японцами, на работе, я немного успокаиваюсь [Ооути: 147].

Некоторые мои коллеги полицейские стали **шпионить** для советской администрации и получили легкую работу по болезни. Японские солдаты ненавидят полицейских. Но я горжусь, что я не такой [Ватанабэ: 205].

Постоянный самоконтроль среди военнопленных и страх, что твои слова могут быть ложно истолкованы, изматывали, и, как признавался Ооути, среди русских он чувствовал себя спокойнее, чем среди японцев. Уэцухара нарисовал на карте «Ни» (2) пленного, который «больше похож на зверя, а не на человека, продаст друга ради хлеба».

Сверхпаноптикон. Паноптикон как образец тюрьмы, в которой надзирателю удобно наблюдать за заключенными, был начертан И. Бертоном и проанализирован М. Фуко. Лагерь военнопленных отличался от тюрьмы прежде всего тем, что имел экономическое назначение и цели перековки. Контроль в лагере был тотальным. Лагерь, с его контролем не только со стороны администрации, но и пленных друг за другом, включая перлюстрацию писем из дома, а также порой и контролем за испражнениями, становился вариантом сверхпаноптикона. Лагерный сверхпаноптикон обеспечивал не только контроль, но и коллективное наказание за неверные взгляды и поведение, например, подозрительного или провинившегося пленного ожидали принудительная стрижка, товарищеский суд, бойкот.

Тотальный контроль за письмами давал дополнительные сведения о социальном положении родных пленного, и если оказывалось, что родственники на родине живут зажиточно, жизнь адресата в лагере осложнялась. А ведь чтобы успокоить, например, сына в плену, из дома не писали о проблемах трудной послевоенной жизни, а наоборот, приукрашивали ее. Как сформулировал Ооути, письма из дома могут быть хорошие и могут быть плохие.

Если в письме написано, что жизнь у них тяжелая, то хорошо. Если написано, что жизнь стала лучше, или получили прибыль, или спасибо американской армии, то мне надо сказать всем, что моя семья ничего не понимает, но, когда я вернусь, я их перевоспитаю. Комитет проверяет все письма [Ооути: 152].

В тотальных институтах среди других дисциплинарных мер воздействия было принудительное бритье головы. Активисты «демократического движения» также прибегали к подобной форме наказания таких же пленников за их «реакционные» взгляды.

Реакционерам постригли волосы. На месте работы советским людям сообщают, что он реакционер. Меня тоже постригли. Я думал, что если просто работаешь как машина, то можно стерпеть. Это продолжится только до возвращения [Ооути: 147].

Пленные А. и Б. дружили и дали клятву быть как братья. Однако демократическое движение препятствовало их дружбе. Б. вступил в группу активной молодежи, а А. был против демократического движения. Сначала Б. поддерживал А., говорил, что он его брат. Но когда движение стало активнее, Б. заставили критиковать А. [Ооути: 158].

Военнопленным необходимо было скрывать не только политические взгляды, но и свои отношения с Богом. Воинствующие атеисты боролись не только с религиозными практиками, но и с чтением духовной литературы, например, Библии. Такую книгу было опасно не только читать, но и хранить.

В Ворошилове: брошюру, которую они опубликовали, я прочел раньше других. Но я также прочитал книгу, которую скрывал Накамура. Она была интереснее и понятнее, нежели «Материализм и диалектика». Если вишня зимой цветет, это плохой знак в любом случае, потому что это неестественно. Разумеется, если вишня расцветает весной, это хорошо и понятно. В этом мире есть закон природы, это Бог. Противники этого закона когда-нибудь умрут. Я тоже хочу верить в Бога, который не имеет образа. — *Пожалуйста, сожгите эту книгу, потому что, если кто-то другой ее увидит, у вас будут неприятности.* — *Понял, прочитав книгу до конца, я ее сожгу в печке* [Ватанабэ: 325].

Именно подобные процессы имел в виду М. Фуко, когда писал, что насаждение дискурса ведётся средствами социального надзора. Как показали в своей статье Сара Кроули и Кендал Броуд, действовать определенным образом нас заставляет не внешняя сила, а фактически надзор друг за другом в процессе обычной жизни, который поощряет к поведению, соответствующему правящему дискурсу. Важно отметить: будучи подвержен такому постоянному и непрекращающемуся надзору, каждый из нас начинает вести нормативный надзор над самим собой. Мы становимся собственными тюремщиками в том смысле, что начинаем «неловко себя чувствовать», если знаем, что нарушаем социальные законы [Кроули, Броуд: 16].

Сверхпаноптикон предполагал надзор тех же пленников друг за другом, как за

письменным, так и, конечно, за устным словом. Социальный контроль сверхпаптоникона проникал повсюду и даже касался испражнений: по цвету экскрементов и мочи товарищи могли определить, кто что ел накануне, был ли у кого скрытый источник продуктов.

От гаоляна испражнения были красно-черного цвета. Если у человека желтые испражнения, он, возможно, откуда-то украл рис. Моча красная, потому что стащил свеклу из сарая. Цвет поноса намекает на бобовые выжимки — я много слышал такие рассуждения свидетелей. Получается, что только люди привилегированного класса могли стесняться своих испражнений [Сато 1979: 138].

Не имея навыков внутреннего сопротивления давлению режима, люди проваливаются в «тело» социума, утрачивают субъектность личных интересов и ценностей, начинают соревноваться за лучшее воплощение нормативной коллективной субъектности [Герасимов: 4]. В 1950 г. с Кюзо Като произошла такая история.

Однажды я сказал пленным: «Что же Советский Союз так плохо к нам относится? Разве могли мы, маленькие люди, влиять на события, которые происходили вокруг нас? Уже скоро пять лет, а они не думают о том, чтобы вернуть нас домой». Уже не знаю каким образом, но эти слова дошли до членов организованной в лагере и пользовавшейся поддержкой администрации так называемой демократической группы японцев. Они решили после ужина обсудить мое поведение на собрании. Я им сказал так: «У меня совсем не было намерения критиковать Советский Союз, и я скорее верю в Советский Союз, а то, что я сказал, было от чистого сердца, и ничего плохого я не имел в виду». Но чем больше я оправдывался, тем сильнее раздражал членов группы. В результате было решено объявить мне бойкот. Меня стали называть «контрой». Этот ярлык мог быть приклеен к любому, кто посмел бы со мной общаться [Като: 52].

Бойкот — отказ от всяческого общения с лицом, которого обвиняют в ошибочном поведении. С этим человеком не разговаривают, не здороваются, пока он публично не признает свою вину и не исправится. Как заметила Ханна Арендт, это предельная форма власти: «все против одного» [Арендт: 49]. Те, кто не поддерживает молчаливый заговор, сами оказываются в центре бойкота.

Если запрещают общаться,
Тайком в воде руку пожму.
Это и есть дружба [Нисимура 2004 а: 9].

Атмосфера насаждаемой классовый борьбы в сообществе лагеря, где она могла быть только в политическом воображении, была неприятна сама по себе, своими непроговариваемыми правилами и тайными доносами, а доносчиками были твои же соседи по бараку, сообщавшие активистам и лагерной администрации о любых неосторожных словах. Все свои мысли нужно было скрывать. На рис. 45 показан товарищеский суд.

Товарищеский суд — экзекуция с каверзными вопросами. В лагере в Ворошилове росло масштабное «демократическое движение» среди пленных японцев. Лидеры заводили шпионов, чтобы выявлять несогласных со сталинской доктриной, и выводили таких на судилище. В зависимости от тяжести преступления наказания различались. В легких случаях могли просто стукнуть или выливали на голову ведро воды. В более тяжелых случаях приговаривали к голоду. Хитрые советские офице-

ры из политуправления наблюдали со стороны и ухмылялись. Они не пытались остановить.

Было жалко этих японских активистов, которые хотели получить свои привилегии, раболепствуя перед советскими начальниками. Мы с трудом воспринимали такие крайние выражения эгоизма. Они боролись даже друг с другом за власть внутри своей группы, пытаясь обезопасить себя. Они не понимали, что находятся в уязвимом положении: их могли обвинить в сопротивлении и исключить в любое время. Они вели себя как хозяева положения, потому что много о себе воображали. Я все больше чувствую опустошенность [Ёсида: 168].

Бойкот. С теми, кого заклеили как реакционеров, никто не разговаривает ни днем, ни ночью. Говорить по-японски я не могу, только про себя. Это тяжело. В лагере общаться не с кем. Самое тревожное — меня могут вычеркнуть из списков на репатриацию. Если говоришь с реакционером, то тебя считают сторонником и тоже бойкотируют.

Почему ты не участвуешь в молодежном активе? После того, как отложили на год возвращение домой, я решил не связываться с этим движением, но меня стали критиковать из-за этого. Кроме меня только 2–3 человека не состоят в этом обществе, их тоже считают реакционерами. Наконец, чтобы меня не заклеили реакционером и чтобы все-таки вернуться домой, мне надо выступить с самокритикой. Скрывая настоящие чувства, я кричал: товарищи, до сих пор я не содействовал демократическому движению, но это была большая ошибка, теперь я начну с вами работать активно [Ооути: 144].

Критика. Он сказал, важнее беречь себя, чем работать для Советского Союза. Значит, он помогает репрессиям против рабочих в Японии. Да, нельзя ему разрешать возвращение в Японию. — У кого есть право так говорить? Собака реакционного государства. Все громко ругали. Кто вышел с самокритикой, не может оправдываться. Если ты против такой критики, если не кричишь со всеми вместе, то в следующий раз могут критиковать тебя [Ооути: 145].

Наконец, критика дошла и до меня. Говорили, что семья Ооути буржуазная. Откуда они узнали? Теперь критиковали меня за то, что я презираю наше движение. Если бы мой брат увидел, что бы он подумал? Плохо, что я высказал свое мнение, что бойкот — противоправное поведение, и не участвовал в демократическом движении. Я закричал, когда отложили мое возвращение и когда увидел, как меня критикуют даже близкий друг Т. [Ооути: 147].

На карте «Мо» (1) Уэцухара рисует одиноко стоящего пленного, на ногах которого тяжелые оковы. Зато и справа, и слева на него направлены указующие пальцы, избобличающие в нем личность, которая имеет отличные от подавляющего большинства взгляды. У этого большинства не видно лиц, только пальцы, которые обвиняют и становятся каким-то «биологическим» оружием. Подпись: осудили как контрика, не дают оправдаться [Уэцухара Мо (1)]. Как сделал вывод Такесуги, в подобной атмосфере не оставалось ничего другого, кроме молчаливого приспособления к царившей атмосфере [Такесуги Ч. 3: 15].

2. СОВЕТСКИЕ СОЛДАТЫ: ХОРОШИЙ И ПЛОХОЙ

Первыми советскими людьми, с кем встретились солдаты и офицеры Квантунской армии, сложив оружие, были солдаты и офицеры РККА. Ежедневное общение в первое время ограничивалось конвоем и лагерным начальством.

Более всего в памяти бывших пленнх остались образы конвоиров, хотя их было не так много, а именно для сопровождения на работы и охраны на производстве назначался один конвоир на 25–30 военнопленных и в любом случае не менее двух человек на группу [Главное: 265]. Конечно, чем меньше было конвоиров в лагерной повседневности, тем лучше себя чувствовали пленные.

В феврале 1946 г. было разрешено расконвоировать в установленном порядке для внутрилагерных работ тех, кто был использован «на должностях шоферов, конюхов, повозочных, истопников, сапожников, портных и др.» [Главное: 267]. В некоторых лагерях Ворошилова и Кемеровской области количество расконвоированных в 1946 г. доходило до 25–30 % всего состава. Это благоприятно повлияло на настроения пленнх, которые стали чувствовать, что им доверяют. Как правило, все расконвоированные выполняли и перевыполняли производственную норму.

Фигура конвоира была важной для пленнх, нередко именно от него зависели вопросы жизни и смерти, моральный климат в бригаде. В целом по воспоминаниям их можно разделить на две большие группы, соответствующие упрощенным типажам: **хороший солдат** и **плохой солдат**. Второй тип близок образу гулаговского палача, который описан В. Подорога. В отличие от палача наслаждения (у де Сада), палача уничтожения (нацистского) гулаговский относится к палачам страха: функцией палача он одаривается случайным образом, поскольку и сам является жертвой тоталитарного режима. Истинный и главный палач известен, все другие палачи лишь более или менее удачливые жертвы, которых ожидают другие палачи [Подорога 2013: 69].

Внимание, подходят *они*. Мы боялись этих людей, к тому же их двое. Мы называли одного Синим дьяволом, другого — Красным. Они не выбирали методов, заставляя нас выполнять норму. Из-за их нечеловечески жестоких требований наши товарищи один за другим падали, другие болели и со слезами обиды умирали. Я не могу забыть эти жадные глаза дьяволов и стоны умирающих соратников [Хисанага: 14–15].

Прозвище «красный дьявол» встречалось почти в каждом лагере и потому, что это распространенный персонаж японского фольклора, и потому, что у многих конвоиров были красные лица.

Один из охранников имел прозвище «красный дьявол». Пока мы ждали, когда закончится перекличка, он выбирал в строю больных или слабых японцев, толкал их или бил, упиваясь своей безнаказанной жестокостью. Я никогда не забуду этого отвратительного краснолицего советского охранника. Мы не боялись его, но было очень досадно, что мы не можем ответить [Ёсида: 172].

После общения с «плохими солдатами» в особо острых ситуациях актуализировался вражеский образ *роске*, как называли русских солдат японцы со времен русско-японской войны 1905 г. — *Что ты сделаешь, роске?* Прием, дегуманизирующий плохого охранника, применил Ооути, рисуя охранника в военной форме, но с головой пса [Ооути: 35]. Образ псоглавца отсылает к символу опричников, жестокой гвардии Ивана Грозного.

Для большинства молодых японцев в годы войны врагами были англичане и американцы, во всяком случае об этом они слышали по радио и читали в газетах долгие годы, а к русским надо было вырабатывать отношение исходя из реальной об-

становки и конкретных действий. Среди конвоиров встречались недоброжелательно настроенные люди, особенно после военных действий в Маньчжурии и в первые месяцы плена, встречались и добрые. Например, как вспоминал М. Ооути, «хотя это было запрещено, но добрые охранники иногда разрешали голодным солдатам копать картошку» [Ооути: 32].

Практически каждый пленный помнил и о злом, и о добром солдате, будто все зло и вся доброта разных людей концентрировались в этих двух противоположных образах. Мягче остальных были охранники, которые сами имели опыт пребывания в немецком плену.

Лупандин был хорошим человеком. К нам, военнопленным, он относился доброжелательно. В присутствии начальства Лупандин делал вид, будто держал нас в строгости. Когда же свидетелей не было, он был достаточно мягким и никогда не выгонял нас на работу, если мы не могли идти. Лупандин прошел немецкий плен и частенько, не вдаваясь в подробности, говаривал: «Ваша жизнь в плену не идет ни в какое сравнение с тем, как жили мы в Германии» [Като: 82].

Начальник лагеря с красным носом. Начальник лагеря имеет звание майора. Он был в плену немецкой армии. Поэтому он не слишком строг к японцам. Он подчиняется лейтенанту-коммунисту. В СССР плен — тоже стигма до конца жизни [Саго: сайт].

Однако солдаты несли службу и свободными людьми не были. Вот описание обстановки не в лагерях ГУПВИ, а в лагерях ГУЛАГа, куда также попала часть японцев и где среди русскоязычного большинства, среди уголовников и политических им приходилось намного сложнее. В лагерях ГУПВИ среди своих, когда рядом сотни японцев и можно найти товарища, было легче.

Когда мы находили японскую красную сосну, мы старались собрать как можно больше шишек. *Когда мы давали шишки советским солдатам, тогда они не мучили нас целый день. — Образ советского солдата, когда они кушают шишки, очень похож на обезьяну. На этой сосне, наверное, 50 или 100 шишек. Давай быстро нарубим и соберем* [Ваганабэ: 243].

Когда работаешь на русских, есть шанс найти еду. Когда я ел кашу, русский солдат мне отдал свой хлеб [Ооути: 65].

Не все охранники такие строгие. Этот подошел к нам и спрашивал японские слова, пел русскую песню. А другие — искали часы [Ооути: 34].

Веселый охранник Лупандин, например, научил водовоза Танно Гоичи популярной песне «Удивительный вопрос: почему я водовоз?» [Като: 61].

Нечебехико часто давал нам хлеб и рис. Такого хорошего русского не часто встретишь. Он не курит, поэтому отдает нам свои сигареты. У меня есть ручка, наверное, лучше ему дать, чем кто-то неизвестный отберет [Ваганабэ: 72].

Подружился я с летчиком, капитаном Покровским. Веря в японскую порядочность, он доверял мне свои ценные вещи и ключи от склада, а сам бежал по делам [Киути: сайт].

Конвоир Токарев знал несколько японских слов. Иногда он рассказывал нам что-нибудь интересное, смешил нас. По складу мыслей Токарев казался уже немолодым человеком, хотя может быть благодаря своему возрасту он хорошо относился к пленным, понимал нас и сочувствовал. Во время работы наше настроение сильно зависело от конвоя, его поведение обуславливало нашу производительность труда. Когда дежурил конвоир Токарев, то мы работали заметно лучше. До чего же было велико значение начальника конвоя и того, как он себя вел! [Като: 67].

И. Такесуги упоминал в своих мемуарах начальника лагеря Демина, кадрового офицера, который был «единственным в лагере, кто отдавал честь японскому пленному в ответ на его приветствие» [Такесуги Ч. 1: 85].

Дружба не возникала сама по себе. Чтобы преодолеть границу между конвоиром и пленным, нужно было сделать человеческий жест, который бы снял это иногда воображаемое препятствие.

Когда мы работали у ограды казармы, сердечный советский солдат собрал и отдал нам все остатки от обеда. Наш обед был очень скудным, так что его доброта нас тронула. Хотя мы дрожали на холоде, мы все ели с признательностью. Январь 1946 г. [Ёсида: 116].

Казалось, что дружеский жест делает тот, у кого статус выше, то есть не пленник, а конвоир. Но оказывается, богатая сценариями жизнь вполне допускала ситуации, в которых рядом с молодым конвоиром оказался добрый пленный.

В мокрые от снега портянки совсем молодой солдат заворачивает ноги. Я отдал ему одну пару носков, обычно я надевал сразу две пары. Спросив его сколько лет, получил ответ: 14. Солдат растирал двумя руками почти отмороженные ноги, а в его голубых глазах стояли слезы. О маме, наверное, вспоминал [Киути: сайт].

Совершенно необычный сюжет нарисовал Киути. Мне не приходилось встречать ничего подобного в мемуарной литературе о ГУЛАГе. Пленный делится одеждой с охранником, которого он пожалел. Можно сказать, что в памяти советских заключенных не остались такие охранники, которым они могли сочувствовать, тем более речь идет не только о чувствах, но и поступках. Ни у кого из советских заключенных не было лишней пары носков, а если бы и была — ее или отобрали бы, или украли, или человек сам бы никогда не подарил, а только обменял эти носки — на ломоть хлеба, на полстакана махорки. В этом сюжете мы видим милосердие одного угнетенного, проявленное по отношению к другому угнетенному, пусть представляющему систему принуждения, но на самом ее низовом уровне. Пленный чувствует себя сильнее, чем юный охранник.

Иногда у пленных и их охранников обнаруживались общие интересы, связанные с возрастом и полом, например, спорт. В это время обе стороны чувствовали себя равными. Спортивные достижения, особенно в единоборствах и боевых видах искусств, вызывали уважение у охранников. Борьба дзюдо в довоенной Японии была в почете и считалась лучшим средством для воспитания негнбимого японского духа [Мещеряков 2010: 16]. В советских лагерях квалификация в дзюдо помогала.

Когда пленники выполняют упражнения на перекладине, охранники смотрят. Один советский офицер подошел к нам и сказал, что тоже когда-то занимался гимнастикой и показал значки спортсмена. Он объяснил, что оборот на перекладине называется по-русски солнце. Мы говорили о гимнастике, о спорте. Для любителей спорта нет границ [Ооути: 157].

Охранник и японский пленный начали борьбу. Советские люди занимались борьбой, японские солдаты занимались дзюдо. Этот японский солдат имел четвертую ступень (черный пояс). Он победил. Другой пленный был боксером, однажды в выходной он приготовил ринг и показывал, что умеет. После этого охранники этих двух японских военнопленных не трогали [Ватанабэ: 247].

Японские пленные, судя по их воспоминаниям, довольно часто видели среди охранников хороших людей. Может быть, в этом есть нечто, близкое стокгольмскому синдрому. Я не помню добрые слова об охранниках от бывших узников ГУЛАГа. Даже почти позитивная характеристика конвоира Е. Гинзбург выглядела так: «садистских навыков этот человек на своей нелегкой работе не приобрел, но искусством смотреть на людей как на придаток к пилам и топорам овладел в совершенстве» [Гинзбург: 305]. Видимо, это связано с тем, что Вторая мировая война закончилась и японцы уже не представляли военную опасность, в то время как ГУЛАГ как продолжение гражданской войны нес в себе и продолжал воспроизводить классовую ненависть носителей разных ценностей.

Случалось, что именно конвоиры спасали японским пленным жизнь.

От холода я даже потерял сознание. Спасли меня конвоиры. Чтобы привести в сознание, они дергали меня за волосы и били по щекам. В конце концов на той же лодке они переправили меня в лагерь. Товарищи, поджидая меня, не гасили печь. Я переоделся, и поскольку у меня зуб на зуб не попадал, был готов обнять эту печь. В течение получаса я никак не мог избавиться от дрожи. Выручил лейтенант Лупандин, который принес мне прикрытый сверху листом бумаги стакан водки. «Выпей это залпом, — сказал он, — иначе заработаешь воспаление легких». Я сделал, как он сказал, и неожиданно почувствовал, что у меня в животе разгорается пожар. Дрожь мою как рукой сняло [Като: 78].

Случались истории, в которых пленные спасали жизнь конвоиру.

Эх, если бы не японцы, меня, может, тоже в живых не было бы, — вздыхает Евгений Родионов, бывший житель села Карели. — Крутил я «солнце» на перекладине и упал плашмя на землю. Не могу ни встать, ни охнуть — что-то с позвоночником. Подбежал ко мне японец и быстро сделал что-то руками с моей спиной. Боль — как рукой сняло! Лекари у «самураев» были замечательные [Сажнева: сайт].

Борис Свиридов, 15-летним мальчиком служивший конвоиром в лагере Карели, получил от последних освобождающихся в конце 1947 г. военнопленных подарок:

невиданное, по деревенским меркам, приданое — две белые рубашки, пиджак и настоящий военный френч. «Я хотел отказаться, но ходить-то было совсем не в чем», — вздыхает нынче 75-летний Борис Петрович. Он утверждает, что азиаты расставались с родным лагерем со слезами на глазах [Сажнева: сайт].

Два противоположных типажа охранников не были тактически умышленными как, например, добрый и злой следователь. Их, офицеров и простых охранников, наверное, можно отнести к «приказчикам и исправникам внутренней колонизации» [Эткинд 2013: 380]. Символические двойники, они сами — продукт колонизации.

3. МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

Для всех японских пленников Советский Союз был совершенно иной планетой, где очень многие базовые жизненные принципы формулировались иначе, ценностные структуры были принципиально иными. Многое в Советском Союзе казалось японцам удивительным, в том числе и провозглашенное гендерное равенство.

Самые первые впечатления о порте прибытия Находка вполне соответствовали логике очевидца, но при этом были совершенно далеки от советских реалий. Вооб-

ражение пленных рисовало иные подтексты и подсказывало иные рационализации. Так, Ё. Ватанабэ сначала решил, что «за проволокой немецкие пленники, а оказалось, что русские. Удивлялся. Наверное, Находка — тюремный город» [Ватанабэ: 143].

Японцы были пленными, но не было свободным в полном смысле и местное гражданское население. Заключенные ГУЛАГа, граждане СССР, часто говорили, что они находятся в малом лагере, а остальная страна — живет в большом лагере, который также управляется паханом и криминальными законами. Конечно, местные жители не имели столько дисциплинарных предписаний, как служащие Красной армии, и потому имели больше возможностей быть искренними по отношению к военнопленным. Доброжелательная и вежливая форма общения, аккуратный внешний вид и чистоплотность японцев вызывали симпатии у советских людей, отличая их от других пленных и заключенных. Играло роль и то, что в отличие от немецких военнопленных японцы не участвовали в военных действиях на территории СССР.

Общение с местным населением стало одним из самых сильных позитивных впечатлений, вынесенных японскими солдатами из длительного сибирского плена. Сердечность и милосердие местных жителей, часто имевших каторжную в прошлом биографию, как раз и формировали то теплое отношение к России, которое многие пленные пронесли через всю жизнь и которое не скрыть в постлагерном творчестве.

Советские люди не относились к японцам как к врагам и не испытывали личной ненависти, как, например, в военные годы относились к немцам. Японские пленные отличались от немецких, итальянских, венгерских военнопленных, которые были более деморализованы военным и политическим поражением и тяжелыми условиями плена, в который попали раньше. Как пишет А. Мещеряков, послевоенный русский человек жалел японцев, которые казались несчастнее советско-русского человека [Мещеряков 2014: 48].

Рисунки бывших пленных показывают, что «простые русские люди» помнятся как добрые и незлобивые, отличаясь в этом отношении от лагерного начальства. Как писал М. Ооути, «мы видели, что страдаем не только мы, но и советские рабочие, которые тоже работали без обеда. Страна выиграла войну, но жизнь у людей была нелегкая» [Ооути: 80].

Или вот другое свидетельство:

Справедливости ради нужно заметить, что в то время с питанием было плохо и у советских людей. В Советском Союзе существовала жесткая карточная система распределения продуктов. Когда русские узнавали, сколько продуктов дают военнопленным, они удивлялись и говорили: «О, совсем неплохо, у вас гораздо лучше, чем у нас». В отличие от нас эти люди были свободны, они могли купить еду на базаре, где-нибудь выращивать овощи, фрукты, собирать грибы, держать корову и доить ее, но все же, если говорить об основных продуктах — хлебе, мясе, то я думаю, у нас их было не меньше, чем у советских людей. Нужно также сказать, что советские конвоиры не могли есть столько, сколько хотели [Като: 65].

Нелегкую полуголодную жизнь советских людей после войны показал Ц. Хисанага (рис. 49). Эта картина называется «Возвращаясь с базара». К ней комментарий:

Пожилая русская женщина тащила санки, на которых везла немного еды. Она шла, потерянная, и я подумал, что для простого народа нет победителей и побежденных [Хисанага: 76].

Посмотрите на изображение: мы видим темный лес, совсем нет неба. Композиция картины построена так, что видно: большая часть пути пройдена, но женщина идет как бы в стену. Опущенная голова говорит о том, что жизнь женщины безрадостна. Нарочито уменьшенных размеров санки напоминают мужчин рядом с корпулентными женщинами на картинах Фернандо Ботеро. Женщина взяла их с собой, чтобы нагрузить продуктами после отоваривания карточек или обмена вещей на еду. Сделка не была удачной, и на санках закреплен небольших размеров сверток, для которого, вообще-то, санки не нужны. Как полученное количество продуктов оказалось небольшим, так стали на картине крохотными и сами санки, полозья которых длиной чуть больше женского валенка. Трудно понять, что лежит на них — вроде буханка черного хлеба и какой-то фрукт,

похожий на ананас — да только откуда ему взяться зимой в Сибири, да и зачем выменивать ананас, когда есть более важные продукты — хлеб и жиры.

Однако пункту²⁰ на картине — человеческая фигура. Это огромная, исполинская фигура женщины. Она могла принадлежать эпической героине, и, может быть, перед нами самая что ни на есть подлинная героиня несложного эпоса ежедневных советских будней. Какая сильная, мощная у нее спина. Она выдержит многое: сможет прокормить большую семью, дотащить мешок картошки. Под стать спине и зад. Им можно было толкнуть легковую машину или даже вагонетку. Задней части соответствует фасад. Бесформенная обвисшая грудь, выкормившая не одного ребенка, плавно переходит в необъятный живот. Автор картины видит эту женщину пожилой. Думаю, ей нет и пятидесяти. Скромное пальто оторочено мехом на воротнике и рукавах, но мех не придает старому пальто элегантности. Возможно, что опушка призвана скрыть потертости на старой ткани, потому что нет возможности купить новое пальто. Перешивать, латать, перелицовывать одежду было общей практикой тех лет. По одежде видно, что она — горожанка. Но Ц. Хисанага точен, вспоминая послевоенные годы в Сибири — именно этот образ релевантно отражает местное население, которое увидели японские пленные.

Многие бывшие военнопленные в устных воспоминаниях и мемуарах сходятся в одном: жизнь в СССР, стране — победительнице в войне, была намного тяжелее, чем в побежденных странах. Хисаити Хама так и писал: в Японии, которая проиграла в войне, было гораздо больше товаров, чем в СССР, в войне победившем [Кузнецов 2003: 298].

Местные жители одеты были в костюмы, что забрали в Маньчжурии. На подкладе были имена японцев. Женщины перешивали японские кимоно на платья. Эти переделки нам иногда кажутся смешными [Ёсида: 154].

---

20 Пунктум фотографии — это то случайное в ней, что укалывает меня... (Р. Барт)

Многие советские люди сочувственно относились к военнопленным.

Я помню один случай, когда русская санитарка сама приносила мне свой хлеб и суп и кормила меня, чтобы я быстрее выздоровел. Подпись [Ф. 4 /п. Оп. 30я. Д. 13. Л. 20 об.].

«На, японец, держи картошку». В любой стране девушки очень добрые. Говорят, что на Украине — плодородная земля, и поэтому там очень много картофеля [Киути: сайт].

Местные старики стали сочувствовать нам — тебя на родине ждут мать и отец. Женщины дарят нам потихоньку разные вещи. Люди везде одинаковы. Есть и хорошие, и плохие. Мне было спокойнее, когда работал с местными, чем среди японцев, которые занимаются демократическим движением. Как-то я работал на улице, мальчик лет шести подбежал ко мне и дал хлеб со словом «На!». Я сказал: Спасибо. Он мило улыбнулся. Но японский актив отругал меня: мы — японские рабочие, а не нищие [Ооути: 160].

Не всегда и не везде отношения местного населения и японских военнопленных были безоблачными. Встречалось и недоброжелательное отношение местных людей, при этом автор уточнял, что это не было правилом.

В одном магазине ненавидят японцев, хотя это редкий случай. Говорят: мы японцев не обслуживаем. — Но эти деньги напечатаны в СССР. — Все равно. — Ну ладно. Если ничего купить нельзя, тогда порву. И сделал вид, что хочу порвать. Они удивились и стали обслуживать [Ооути: 164].

Случалось, японцы встречали тех *роске*, с которыми воевали в русско-японскую войну. Так, веселый старик Иван, ветеран японской войны, спрашивал у Ёсида Юкио: ты с японскими солдатами, против которых я воевал, одинаковая нация, один народ? — Боже мой, дядя Ваня! Мы все — японский народ. Что тут удивительного? Просто в войну 1905 г. воевали наши отцы, вот и все. — Старик недоверчиво сказал: Я сомневаюсь. В войне 1905 г. японские солдаты были очень храбрыми воинами. Они в плен не сдавались, а вы через неделю после начала войны бросили винтовки. Не другая ли вы нация? [Ёсида Ю.: сайт].

Часто отношения с местными жителями были доверительными. Так Ё. Уэцухара видел спрятанные в красном углу иконы и нарисовал сценку, как хозяева показывают икону за шторкой. Художник комментирует: *Богоматерь живет в секретном месте* [Уэцухара «Ма» (2)]. В сталинское время хранение иконы в доме, да еще на стене, а не в сундуке, могло стать обвинением, по которому хозяина дома ожидал бы арест. Такой жест со стороны местных — это рискованное проявление доверия.

Сохранилось немало рассказов от местных жителей, как они потихоньку выпивали с военнопленными, хотя это было запрещено, что также являлось несомненным показателем дружеских отношений.

Немало политических заключенных встречали в своих лагерях или на поселении пленных японцев и оставили свои впечатления об этом. Так поэт Анатолий Жигулин в стихотворении «Кострожоги» писал о своем товарище:

Стужа — будто Северный полюс,
Аж трещит мороз по лесам,
Мой напарник — пленный японец
Офицер Кумаяма-сан.

Известный советский этнограф Нина Гаген-Торн рассказала о своей дружбе с военнопленным Хасэгава в период, когда находилась на поселении. Она писала, что в чужой стране ему было смешно и удивительно видеть, как валяются под открытым небом машины, как весной колхозный председатель бегал и суетился, торопясь сжечь неубранное осенью поле пшеницы, потому что боялся, как бы не наехал из района кто-нибудь и не нагорело за прошлогодние орехи. Мне не было смешно. Японца потешала неорганизованность работ, нежелание работать [Гаген-Торн: 388].

Дети были самой открытой и искренней частью местного населения. Они были любознательны и благодарны за внимание и добро, к тому же выступали и учителями русского языка. Местные пацаны в Узбекистане меняли пирожки и яблоки на японские монетки, пуговицы и самодельные игрушки [Тутов: сайт].

Такие непосредственные и наивные, русские дети совсем не обращали внимания на расовые различия. Мне повезло, что довелось поиграть с ними. Много русских слов с ними запомнил. Очень люблю детей! [Киути: сайт].

К. пошутил с мальчишками: дайте мне этот кусочек хлеба. Видимо, это были братья, они обсудили между собой что-то и убежали. Быстро вернулись и сказали: возьмите, пожалуйста, мама разрешила [Ооути: 166].

Когда я собирал мусор на улице, ко мне подошла девочка и дала коробку. Я поблагодарил ее и заметил, что ее мать смотрит на нас из-за занавески. Я кивнул ей, и она ответила. Внутри было 700 г хлеба, три селедки, пачка махорки и спички [Ооути: 105].

То, что спустя годы люди помнили, какие продукты и в каком количестве они получили, говорит о высокой ценности тех даров, не только о собственно продуктовой, но и что важнее — символической ценности.

Японцы были наблюдательны и часто замечали обстоятельства, к которым советские люди давно привыкли.

Я видел босого мальчика-пастуха, примерно десяти лет. Я подумал, что советская система, заставляющая работать даже таких детей, была страшна. Август 1946 г. [Ёсида: 182].

Видел хорошие детские ясли для сирот, для безотцовщины. Их называли детьми Сталина. Малыш кричал нам: «японские», а мама сделала замечание: нельзя так говорить, говори просто «дядя». И ребенок сказал: дядя, до свидания, и помахал рукой [Ооути: 168].

Я вылепил из глины животное. Ребята обсуждают, что это такое. Наверное, свинья. Нет, это собака. Давай, сделай лошадь. Глиняные игрушки им принесли большую радость. Говорят: спасибо, спасибо. Милые и добрые ребята [Ооути: 166].

Память о японских военнопленных осталась и у местных жителей, чьи локальные голоса, свободные от идеологических и прикладных интенций, позволяют увидеть неформальные русско-японские отношения в ином, часто неожиданном ракурсе. Вот рассказ детей, росших недалеко от лагеря в Елабуге.

Мы в школе учились, на переменку выбежим и кричим: «Япон, япон, дай турнепс». Там такой ров был по периметру засаженной территории, чтобы никто не ходил. А он нам говорил: «А русь, русь смотрит», мол нельзя давать. (Имеется в виду, что за ними наблюдали русские охранники. — А.С.). А сам потом тихонько брал и кидал нам через арык турнепс. Он такой вкусный был. Лучше не было ничего... Они хорошо были одеты. Мы супротив них нищими были. И видать то, что и сытыми были,

так как могли нам даже хлеба бросить. А тогда голод был. Хлеб ценнее золота был [Сафина, сайт «Уроки истории»].

Не случайно и японцам запомнились местные дети, что бегали вокруг лагеря и кричали: «Когда я вырасту, я стану военнопленным». Они знали, что «нам дают сахар и мясо, и завидовали нам. Мы делились с ними селедкой, они с жадностью доедали ее» [Кузнецов: сайт].

Японские военнопленные ремонтировали дома на ул. Летчиков в г. Комсомольске. Когда я проходил мимо, они подзывали: иди сюда, мальчик. Дадут деньги, просят купить продукты. стакан сахара стоил тогда сто рублей, хлеб — триста. Принесешь продукты. Японец отрежет корку, посыплет сахаром: ешь, мальчик [Черевко. Цит. по: Кузьмина: 80].

Примечательна история, рассказанная А. Мещеряковым. Девочка, что жила в Чите рядом с пленными японцами, жалела их и делилась своей скромной едой. Они же отдаривали ее самодельными тряпичными куклами с раскосыми глазами. Когда же она впервые увидела настоящие советские целлюлоидные лупоглазые игрушки, она стала пририсовывать куклам азиатский разрез [Мещеряков 2001: 197]. Как мы видим, куклы — необходимая часть детства каждой девочки — были получены не от родителей, а от японских военнопленных и восприняты ею как образец, по которым она сверяла все последующие.

Женщины. Конечно, самыми приятными и интригующими были отношения с женщинами. В СССР после продолжительной войны, унесшей миллионы жизней, в первую очередь, солдат, был ощутим демографический дисбаланс. Японские мужчины были аккуратны, вежливы, деликатны, трудолюбивы и этим привлекали местных женщин.

В то же время в мужском однополом сообществе лагеря любая встреча с женщиной становилась событием. Строгие врачи и медсестры, женщины-строители, с которыми приходилось работать, волновали и демонстрировали незнакомый японцам тип женской активности, выполняя работу наравне с мужчинами. Чем менее походили русские женщины на японских, тем интереснее они казались японцам. Как заметил Ооути, когда на работе появляются девушки, японцы быстрее выполняют норму. Особенно, если девушка красивая [Ооути: 163].

Интерес к женскому полу у пленных был не всегда. Стрессы войны и плена, голод и тяжелые работы обеспечивали символическую эмаскуляцию, которая отмечалась почти у всех солдат проигравших армий. Мы знаем из рассказов В. Шаламова, как не уверены были политические зэки в том, что восстановится их потенция. Как вспоминала М.И. Русина: обходительного японца просили остаться в Орочах, найти здесь свою судьбу. — Нет, смеялся он. — Вот здесь очень хорошо (показывая на верхнюю часть туловища), а ниже — толку нет [Кузьмина: 79].

Возвращение интереса к женщинам показывало, что солдаты уже пережили самые трудные времена. Уже после второй зимы в СССР, в марте 1947 г., Ооути замечал, что «этой весной девушки одеваются красивее, чем в прошлом году. С каждым годом становятся красивее. Если днем одеваются по-рабочему, вечером ходят в прекрасной одежде» [Ооути: 163]. Или тот же автор описывает, как

каждое утро мы видели красивую девушку у книжного магазина. Мы гадали, она уже замужем или девственница, и спорили, на кого она посмотрела — на меня или на другого [Ооути: 161].

Некоторые люди крали из тюков то карандаши, то перчатки и дарили их девушкам. Как приятно было пожимать их руки [Ооути: 120].

Нам разрешили отпустить волосы. Мы сделали гребни из металлической части самолета. Некоторые брали вазелин из медчасти и делали прическу, другие каждый день смотрелись в зеркало, почти у всех отросли волосы [Ооути: 131].

Такэути, нарисовавший не просто дружеское рукопожатие, а нежное, назвал свой рисунок «Маленькая любовь... барышня» [Такэути: 171].

Благодаря здешней жизни я стал хорошим портным. Если бы тут были женщины, то мы бы работали веселее и усерднее [Такэути: 191].

Русские женщины вызывали уважение в том числе и обладанием «истинно мужских» качеств, например, физической силы:

Русская женщина сравнится силой с пятью мужиками [Уэцухара Ро (1)] (рис. 50).

У женщин в Советском Союзе была тяжелая работа. Сбор сена был обязанностью женщин. В России мужчины и женщины равны. В российском обществе существует железное правило: только те, кто работают, заслуживают того, чтобы поесть. Русские женщины так много работают, и это действительно впечатляет. Они хорошо сложены и так же сильны, как мужчины [Ёсида: 185].

В угольных шахтах Красноярского края, где работали японцы, часто сходили с рельс вагонетки. «Что тогда начиналось! Шум, гам, крики! “Мадамы” собираются все вместе у схода вагонеток с рельсов и, приложив все силы больших задов, пытаются поставить вагонетки на место. Сила задов “мадам” удивительно мощная и замечательная. Как правило под крики “Раз-два, взяли!” им удается ликвидировать аварию. Русские “мадамы” — все толстячки, настоящие силачки» [Ёсида Ю.: сайт].

По сравнению с русской девушкой, расцветшей как цветок, мы, японские военнопленные, выглядим жалкими, без должного питания мы похожи на обтянутые кожей скелеты... [Хисанага: 52–53] (рис. 51).

На рисунке Ц. Хисанага молодая пара изображена на фоне сибирского дворика. Деревянная изба на втором плане, очевидно в ней живет девушка, расцветшая как цветок. Пленный держит в правой руке пилу, которой он напил только что целую поленницу дров, чтобы девушка зимой не мерзла. Видимо, в ее семье нет мужчин, если заготовкой дров занимается пленный. Девушка благодарна мужчине за помощь, и он сам доволен своей работой, которая подтверждает его маскулинность. Дрова здесь — одомашненная часть лесоповала, но уже безопасная, уже работающая на благие цели и для конкретных людей.

Русские женщины имели иные пропорции тела, чем японки, а оттенок кожи был особенно выигранный в канонах японской телесной эстетики. Как вспоминал позже К. Като, после возвращения домой японки нам казались слишком зажатými, их фигуры — слишком плоскими [ПМА, интервью с Като К.]. То, что особенно ценилось в традиционной японской эстетике, например, белокожесть, у русских женщин не было редкостью.

Русская девушка: почему вы всегда смотрите на меня? — Вы красивая. — Но я сегодня не накрутилась и вокруг столько грязи и пыли. — Все равно красивая. — Японские мужики тоже неплохие [Ооути: 156].

Иногда привлекательная внешность могла служить прикладным целям. Зависимые военнопленные, чтобы немного улучшить свою жизнь, а в приведенном примере — нормы питания, пытались использовать все возможные методы, в том числе и те, что в любом обществе считались женскими. Это было непривычно, стыдно и часто не получалось. В ниже приведенном тексте важно, как автор откровенно проговаривает словами цели этой стратегии. Именно так он устанавливает дистанцию между собой — рисующим в хороших условиях и тем колонизованным объектом, который за неимением других ресурсов мог рассчитывать только на физическую привлекательность товарища.

По правилам о нормах работы должен докладывать бригадир. Но иногда мы посылали одного красавца, на случай если он понравится нормировщице, то она напишет нам больше. Говорят, что она поцеловала его, а он убежал [Ооути: 161].

Когда жизнь военнопленных немного наладилась, у некоторых пленников появились русские подруги. После долгой войны многие женщины остались без мужей и женихов. При таком демографическом дисбалансе большое количество мужчин, пусть и пленных, не могло остаться без женского внимания.

Женское население не было однородным, и порой пленники оказывались в ситуациях, когда сексуальные предложения были шокирующе откровенными. Так, пленник Е. столкнулся с женщинами-зэчками. Одна из них подняла юбку, а под ней ничего [Ооути: 141].

Низкий статус военнопленного при совместной работе часто отступал на второй план, и важнее были личные качества, а также вежливость и аккуратность, отличающая японских мужчин. Неудивительно, что имели место и любовные связи, которые, видимо, обсуждались пленными в бараках и, конечно, были отражены в постлагерном рисунке.

Вот как помнится эта тема Нобуо Киути (рис. 52).

В работе по восстановлению города после Второй мировой войны принимали участие и мужчины, и женщины. Отважные женщины справлялись даже с самой опасной работой. В то время в Японии было

трудно представить себе подобную картину. Были даже случаи проявления любви русских женщин к японским солдатам. То были прекрасные мгновения [Киути: сайт].

Не плачь, Наташа. Любая встреча неизбежно влечёт за собой расставание. Кажется, там была девушка, боевая подруга, для которой это расставание было особенно больно. И ты, Наташа, что так горько шепчешь слова прощания, что ты сейчас делаешь, что с тобою, бедная, стало? [Киути: сайт].

Обратите внимание, как одета Наташа на рис. 53. У нее уже большой срок беременности, примерно 6–7 месяцев, и она расставила в талии обычную прямую юбку, не имея возможности сшить специальное платье. На улице тепло, руки голые, но она в сапогах. Значит, недавно был дождь, дороги раскисли, а калош нет. Может и туфель нет, наверняка любая женщина надела бы самое лучшее, чтобы проводить

любимого и такой нарядной остаться в его памяти. Из окна поезда торчит рука ее друга — он машет ей на прощание, и по торчащей из окна голове мы понимаем, что парень мечется между сильными противоречивыми эмоциями — нежеланием расставаться с любимой девушкой и чувством радости от возвращения домой, от того, что покончено с полуголодным зависимым состоянием.

Выражение *боевая подруга* часто применялось и к российским «походно-полевым женам», но в отличие от такого типа отношений на фронте, что получили это народное название, в данном случае обе стороны были социально уязвимы. Не только демографический дисбаланс создавал условия для близких отношений, но вольнолюбивый нрав и романтический склад русской женщины делали их возможными, ведь решимость встречаться с иностранным военнопленным требовала от женщины смелости и мужества, а также непроговариваемой готовности к испытаниям — это могло быть административное наказание, общественное осуждение, возможно криминальный аборт или судьба матери-одиночки с ребенком-полукровкой.

Подневольный статус военнопленного снимал с него всякую ответственность за будущее. Но все же некоторые пленные остались в СССР, чтобы не расставаться с русской женой. Не всем желавшим остаться в СССР такое разрешение давали. Но, например, жительница амурского поселка «Прогресс» Клавдия Новикова вышла замуж за Хачия Ясабуру и прожила с ним 40 лет, пока не выяснилось, что живы жена и дети от первого брака Хачия. Клавдия настояла на возвращении мужа к первой семье, но они смогли сохранить теплые отношения вплоть до ее кончины в 2015 г. [Newsland: site].

Однако не все романтические встречи были счастливыми.

В соседнем селе девчонка молодая жила. Завербовалась она работать к нам конвоиром. Статная, фигуристая, кровь с молоком, — говорит Борис Свиридов. — Приглянулась та девушка одному японскому майору. А я тогда уже неплохо по-ихнему

понимал. «Поменяйся ночью с Верочкой сменами, она согласная ко мне в барак прийти», — попросил меня тот офицер. Я знал, что это запрещено, но жалко их стало — любовь все-таки <...> Больше тот японец нашу Верочку видеть не захотел. Да и остальные присмирели [Сажнева].

Как утверждает один из экспертов по вопросам японского плена в СССР С. Кузнецов, браки японцев с русскими девушками не были такой уж редкостью. По его данным, только в г. Канске Красноярского края осталось около 50 бывших солдат Квантунской армии, женившихся на местных женщинах [Кузнецов 2003: 291].

Однако далеко не все привязанности имели счастливую развязку. Вот короткая история любви, рассказанная Моринари Ооути (рис. 54).

Работница конторы влюбилась в Х., который красил стены в конторе. Она сказала ему, что он очень похож на ее мужа, погибшего в Сталинграде. Позже она родила ребенка. Ее отправили на материк. Х. не наказали, только перевели в другое место [Ооути: 132].

Такой же грустный конец был и у отношений Таши Грачевой и Хинтаро Кавамото, голубоглазой Маши Шенбергер и фельдшера Умэда, прозванного за свои очки Меганэ-саном, пленного японца Сабура и алма-атинской девушки Оли, которую он ласково называл О-Цуру, и, видимо, многих других, не вошедших в историю пар.

Как бы ни были прекрасны влюбленность и любовь, это были лагерные реалии, между влюбленными проходила физически или условно колючая проволока. Окурочек с красной помадой как символ лагерного чувства и ностальгии по нормальной долагерной жизни и женскому присутствию в ней был воспет Юзом Алешковским и стал классикой лагерного «шансона» советских заключенных, каждый из которых тосковал о своей женщине: «Всю дорогу до зоны шагали, вздыхая, не сводили с окурочка глаз». Похожий окурочек хранил и японский пленный как память о своей девушке.

У одного пленника товарищи увидели окурочек со следами губной помады на нем. Скажи, от кого ты получил? — Это дама мне дала. — Дай мне одну затяжку. — Нет-нет и спрятал [Ооути: 174].

Исследовавший взаимоотношения советских женщин и пленных немцев А. Кузьминых анализирует причины, по которым такие контакты стали возможными. Кроме демографического дисбаланса в СССР, он видит «материальные соображения», а также жалость со стороны русских женщин, отмечает и риск, с которым советские женщины шли на подобный шаг. Так, за «вступление в интимные отношения с немцами» их, особенно если это были медсестры, а не врачи, обсуждали на партсобраниях, увольняли с работы и исключали из партии. Не всегда речь шла только о чувствах, иногда был и расчет: так, немецкие пленные, пользуясь протекцией женщин-врачей, получали более калорийное питание и обретали шанс раньше

вернуться на родину [Кузьминых: 115–116]. Но отношения любящих людей всегда уникальны, и все примеры лагерной любви не похожи друг на друга.

К. влюбился в заключенную, которая работает с ним в одном месте. Он давал ей хлеб и деньги. Он сильно влюбился и даже похудел. Начальник беспокоился и попросил начальника заключенной перевести ее в другое место. Первая любовь К., к сожалению, растаяла как первый снег [Ооути:132].

Самое трудное время позади. Теперь можно увидеть и услышать жизнь вокруг. Мы стали смеяться, когда видели что-нибудь смешное, и стали внимательнее смотреть на красавиц. Заметно, что одежда у людей и здания в городах становились красивее, много грузовиков возят стройматериалы. Снизили цены, и теперь мы могли свободно купить хлеб. Спустя три года плена мы уже хорошо ладили с местными. Среди них встретился такой, что пропил сразу всю зарплату и просил в долг у пленных. Надо же, им не надо бояться болезней и готовиться к пенсии. Несмотря на многие недостатки в Советском Союзе мы завидовали такой жизни. Два-три человека подали просьбу остаться в СССР, но им не разрешили [Ооути: 159].

А. Кузьминых утверждал, что именно в советском плену была одержана последняя победа в Великой Отечественной войне — победа над фашистской пропагандой и расистской теорией. И «битва» эта была выиграна не лагерными политруками, а простыми советскими людьми [Кузьминых 2002: сайт].

Отношения советских людей и японских военнопленных не имели такой драматургии, как с немецкими пленными, а были немного мягче, все-таки японская армия, как уже отмечалось, не вела боевых действий на территории СССР, поэтому градус противостояния не был высоким. Разница культурных стандартов была значительной, так что понять и принять друг друга было совсем не просто. У пленных было немало трудностей в чужой стране с суровым климатом, в стране, которая не ценила жизни и своих-то граждан. Но в памяти пленных поддержка и чувства советских людей запомнились лучше, чем несправедливые военные приказы. Немало бывших пленных передали своим детям интерес к России. Вот одна из историй.

Когда я работала в языковой школе, был у меня студент, отец которого был военнопленным. Студент этот любил повторять слова отца: «Я не люблю СССР, но обожаю русских». Он вспоминал, как отец привез из плена льняную рубашку, которой сносу не было, и тетрадки — самодельные словари. Вот с этих «словарей» пошел интерес сына к русскому языку и к России в целом [Форум по теме: Судьбы японских военнопленных в СССР. Запись Yosi от 03.09.2004].

Нельзя не учесть, что значительная часть бывших пленных сохранила негативные воспоминания о СССР, хотя эти десять художников и бывшие пленники, с кем мне довелось общаться, о советских людях вспоминали тепло.